

УДК 141:27:81(47)
ББК 87.3(2)6-302

Джошуа Хит

Кембриджский университет, Тринити-колледж, младший научный сотрудник, Великобритания, Кембридж CB2 1TQ, e-mail: jh796@cam.ac.uk

Размышления о языковых парадигмах русской религиозной мысли

Apropos *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*, ed. Caryl Emerson, George Pattison and Randall A. Poole (Oxford: Oxford University Press, 2020), 712 pp.

Аннотация. Статья написана в связи с публикацией книги “Oxford Handbook of Russian Religious Thought”. Рассматривается проблема восприятия русской религиозной мысли XX в. в англоязычном мире и значимость языковых вопросов в англоязычной философской традиции. Дан анализ трех языковых парадигм: *диалога, перевода и предложения*, которые в русской религиозной мысли воспринимаются как феномены, выражающие предмет философского мышления: философия есть диалог, или перевод, или предложение. Первой парадигме соответствует появление книги “Oxford Handbook” как новейший шаг в непрерывном диалоге русской религиозной мысли с Западом. Подчеркивается, что этот диалог не случаен, поскольку «диалог» является не только кардинальным понятием в этой традиции (Вл. Соловьёв, Вяч. Иванов, М. Бахтин), но и самой ее формой. Отмечается значение исследований Роберта Бёрда в философском осмыслении перевода как интерпретации идиом русских мыслителей в языке другой культуры. Анализируются концепции С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева и С.С. Хоружего и их значение в современной религиозной мысли на Западе.

Ключевые слова: философия языка, имяславие, исихазм, русская религиозная мысль, духовные упражнения, метафизика, предложение, диалог, перевод

Joshua Heath

University of Cambridge, Trinity College, Junior Research Fellow, Cambridge, CB2 1TQ, United Kingdom, e-mail: jh796@cam.ac.uk

Reflections on the Linguistic Paradigms of Russian Religious Thought

Apropos *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*, ed. Caryl Emerson, George Pattison, and Randall A. Poole (Oxford: Oxford University Press, 2020), 712 pp.

Abstract. This article was written in connection with the publication of the new *Oxford Handbook of Russian Religious Thought*. It considers the reception of twentieth-century Russian religious thought in the English-speaking academy, as well as the importance of linguistic questions in this tradition. Three

‘linguistic paradigms’ are analysed: dialogue, translation and the proposition. In Russian religious thought, these paradigms are interpreted as phenomena that reveal the object of philosophical thought: philosophy is dialogue, or translation, or a proposition. The publication of the *Oxford Handbook* corresponds to the first paradigm, as the latest step in a continuous dialogue between Russian religious thought and the West. This article emphasises that this dialogue is not incidental, insofar as ‘dialogue’ is not only a crucial concept in this tradition (Soloviev, Ivanov, Bakhtin), but is its very form. Then, this article highlights the significance of the work of Robert Bird. Bird’s work enables a philosophical conception of translation, as the interpretation of the idiom of Russian religious thought in terms of the language of another culture. Finally, this article analyses the theories of S.N. Bulgakov, A.F. Losev and S.S. Khoruzhii, and their significance for contemporary religious thought in the West.

Key words: Sergii Bulgakov, Aleksei Losev, Sergei Horuji, Russian religious philosophy, imiaslavie, philosophy of language, spiritual exercises, metaphysics, the proposition, dialogue, translation

DOI: 10.17588/2076-9210.2022.2.162-175

С появлением новой книги *Oxford Handbook of Russian Religious Thought*¹ начинается новая глава в восприятии русской религиозной философии в англоязычном мире. Конечно, у этого восприятия длинная история, которая во многом вытекает из скорби изгнания. Один из самых блестящих деятелей Русской эмиграции в западной Европе о. Сергей Булгаков постоянно настаивал на том, что человеческая история (и даже история всего сотворения) есть трагедия. Такое утверждение находим в ранней статье Булгакова о Соловьеве, где он разрабатывает «теорию [исторического] прогресса трагическую»², и в последней его книге: «мировая история изображается здесь как величайшая мировая трагедия, в которой небесные воинства вместе с земною церковью воинствуют с драконом и ангелами его» [2, с. 11]. Здесь очевидно, что для о. Булгакова трагедия заключается, прежде всего, в «борьбе» между добром и злом: «в душе человека и человечества борются две стихии, два начала»³.

Но суть трагедии, по мнению о. Булгакова, состоит отнюдь не в бессилии добра перед превышающим злом или безразличной природой. Напротив, «прогресс трагедии предполагает усиление и укрепление добра, но и параллельное укрепление зла»⁴. Такой прогресс трагедии находит свое совершение и разрешение в Распятии и Воскресении Господа: «трагедии ... нельзя устранить из религии креста, которая только и знает разрешение мировой трагедии»⁵. В этом событии самое ужасное – изгнание добра из мира, разъединение мира и Бога, – есть одновременно и совершение божественной любви в мире, соединение мира с

¹ Caryl Emerson, George Pattison and Randall A. Poole (eds.): *The Oxford Handbook of Russian Religious Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2020. Ххviii + 712 p.

² См.: Булгаков С.Н. Без Плана: Несколько замечаний по поводу статьи Г.И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьева // Булгаков С.Н. Тихие Думы: из статей 1911–1915 гг. М.: Республика, 1996. С. 225 [1].

³ Там же. С. 227.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Там же. С. 222.

Богом в единстве Отца и Сына через Святого Духа. Человеческая история как трагедия есть постоянное рождение, или воскресение по образу «трагического» рождения Сына и восторженного дыхания Духа Отцом в Троице.⁶ Изгнание философов и богословов из России в начале XX века является явным примером этой антиномичной исторической динамики. Ибо это время рассеяния и разделения было в не меньшей степени временем новых диалогов и единений.

I: Диалог

Можно сказать, что история русской религиозной философии в XX веке есть история непрерывного диалога между православной Россией и христианским Западом. Влияние немецкой философии (особенно критической философии Канта и разных, не согласующих между собой систем его последователей) на русскую мысль XX века бесспорно. Но влияние всегда было взаимным. Бесспорной была, например, значимость Шестова для экзистенциализма во Франции или значимость Вл. Соловьева и о. Булгакова для богословствования Ганса Урс фон Бальтазара⁷. Современные русские богословы XXI века, такие как С.С. Хоружий, также разрабатывают свои собственные системы через критический обмен с современной западной философией, например учениями Пьера Адо и Мишеля Фуко. Таким образом, этот диалог продолжается и усложняется.

Новая книга *Oxford Handbook* вписывается в историю развития мысли – как диалога. Она отличается, конечно, своей современностью. Эта современность выражается, во-первых, в обсуждении *новых* течений и авторов. Например, глава Скотта Кенворти об имяславских спорах кончается не в XX, а в XXI веке, охватывая труды по этому вопросу С.С. Хоружего и митрополита Волоколамского Илариона. Современность этой книги также определяется именами русских мыслителей, труды которых были долго недоступны вне России. Здесь обратим внимание на имя А.Ф. Лосева, чье наследие богословского и духовного характера можно оценивать сейчас в полной мере. В.В. Зеньковский писал, что об этом мыслителе «не имеется собственно никаких сведений – ни того, у кого он учился, ни того, где он ныне, жив ли он»⁸. В «Истории русской философии» (*History of Russian Philosophy*) (1951 г.) Н.О. Лосского⁹ западные читатели могли находить некоторые более конкретные сведения, однако обсуждение А.Ф. Лосева ограничивается трудами, опубликованными в 20-е гг. XX в.

⁶ С.Н. Булгаков в своей «большой» трилогии прямо говорит о «трагедии» рождения Сына: «Взаимоотношение Отца и Сына в его непосредственности есть трагическая сторона любви» [3, с. 82].

⁷ См.: Martin Jennifer Newsome. Hans Urs von Balthasar and the Critical Appropriation of Russian Religious Thought. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2015 [4].

⁸ См.: Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. С. 784 [5].

⁹ См.: Лосский Н. О. История русской философии / предисл. и коммент. В.А. Кувакина, М.А. Маслина. М.: Высш. шк., 1991. 559 с. [6].

Но и мыслители, уже (и даже слишком) известные в англоязычном мире, появляются здесь в новом, необычном свете. Хорошо известный на Западе, прежде всего как литературовед, М. Бахтин не вызывает такого интереса на богословских факультетах¹⁰, однако на факультетах славянских языков богословские аспекты бахтинского понятия слова постоянно отмечаются в последние десятилетия¹¹. В связи с этим появляется надежда, что благодаря главе, написанной К. Эмерсоном о Бахтине как религиозном мыслителе и новой книге Джорджа Паттисона «Риторика Слова» (2019 г.)¹², в которой рассматривается концепция Бахтина с точки зрения западного богослова, Бахтинское размышление о логосе займет свое достойное место и в англоязычном богословии.

С новыми взглядами на хорошо известных авторов приходят и новые взгляды на известные понятия. С именем М. Бахтина в англоязычном мире тесно связано понятие *диалога*. Однако это понятие часто понимается или в частном, эстетическом смысле, как формальная черта литературных произведений, или в неясном, нравственном смысле, как идеал личных отношений. Но в обоих случаях диалог остается второстепенным феноменом. Такая относительная значимость понятия диалога исчезает, когда оно рассматривается в контексте других трудов Бахтина, неизвестных в англоязычном мире¹³, и что еще важнее, в контексте трудов других мыслителей русского религиозного ренессанса.

Проблема *другого я*, или, по слову о. Булгакова, тайна *второго* (и третьего) *лица*,¹⁴ появляется на всем протяжении русской религиозной мысли XX века. По мнению Ивана Лапшина, как отмечает М. Косталевски (M. Kostalevsky), Владимир Соловьев «был первым писателем в русской философской литературе, поставившим вопрос о “другом я”» («*was the first writer in Russian philosophical literature to raise the question of the “other I”*»)¹⁵ в своей статье 1875 г. «О действительности внешнего мира и основании метафизического познания»¹⁶. Как и в других областях творчества деятелей Серебряного века, влияние Вл. Соловьева здесь было решительно, что подтверждается сравнением

¹⁰ Англиканский богослов Роуэн Уильямс написал замечательную монографию о Ф.М. Достоевском, в которой он ясно выясняет богословские рамки бахтинского понятия слова (см.: Williams Rowan. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction. London: Bloomsbury, 2008 [7]).

¹¹ См., например: Felch Susan M. and Contino Paul J. Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2001 [8]; Coates Ruth. Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author. Cambridge: Cambridge University Press, 1998 [9].

¹² Pattison George. A Rhetoric of the Word. Oxford: Oxford University Press, 2019 [10].

¹³ Такие неизвестные тексты постепенно переводят на английский. См.: Bakhtin Mikhail. Selections from the Wartime Notebooks, trans. Irina Denischenko and Alexander Spektor // The Slavic and East European Journal. 2017. Vol. 61, no. 2. P. 201–232 [11].

¹⁴ С. Булгаков часто говорит о «тайне» или «гении» грамматики. См., например: Булгаков С.Н. Главы о троичности // Булгаков С.Н. Труды о троичности. М.: ОГИ, 2001. С. 60 [12].

¹⁵ См.: Kostalevsky M. Dostoevsky and Soloviev: The Art of Integral Vision. New Haven and London: Yale University Press, 1997. С. 42 [13].

¹⁶ Соловьев В.С. О действительности внешнего мира и основании метафизического познания // Соловьев В.С. Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1966. С. 216–226 [14].

его статьи с текстами Вяч. Иванова¹⁷. К тому же, блестящую троичную трактовку проблемы *другого я* находим во втором письме сочинения П.А. Флоренского «Столп и утверждение Истины».¹⁸

Но заслуга С. Булгакова заключается в том, что он разработал самое обширное и тщательное троичное изложение проблемы *другого я* в своих сочинениях «Трагедия философии» (1925 г.)¹⁹ и «Главы о Троичности» (1928, 1930 гг.). В этих сочинениях диалог показывается самым существом науки и знания: «истинность определяется со стороны субъекта, ее достижение связано именно с этим состоянием ипостаси – замкнутой в эгоистической моноипостасности или же расширяющейся в соборном, окрыленном любовью к истине, ипостасном многоединстве» [17, с. 412]. Диалог есть основа знания, поскольку он есть и основа *сознания*: «Произнося я, мы молча сопроизносим *ты*»²⁰. Таким образом, исследования русских религиозных мыслителей о диалогической структуре сознания имеют то преимущество, что, как отмечает Анри де Любак (Henri de Lubac), они преодолевают значительный недостаток идеалистической философии: «idealism has never conceived of any relationship except that of a knowing “subject” and a known “object”»²¹. Тем самым они отвечают на требование ирландской мыслительницы Айрис Мёрдок: «нам нужна нравственная философия, в которой понятие любви, столь редко упоминаемое теперь философами, может снова стать центральным» («*we need a moral philosophy in which the concept of love, so rarely mentioned now by philosophers, can once again be made central*»)²². Заметим, что эти мыслители вводят понятие любви не только в нравственную философию, но и в гносеологию и метафизику.

При этом настоящее усвоение такого глубокого созерцания слова, собственного русским религиозным мыслителям XX века и выраженное в их обращении к проблеме *другого я*, является самой плодотворной возможностью будущего диалога западной мысли с русской религиозной философией. В третьем разделе статьи рассмотрим, как концепции, разработанные С.Н. Булгаковым и А.Ф. Лосевым, могут обогащать философию языка и религии на Западе. Но перед этим стоит поразмыслить, *как* читать сегодня русскую религиозную философию прошлого века.

¹⁷ См., например: Иванов В. Ты еси // Иванов В. Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 262–268 [15].

¹⁸ Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 15–50 [16].

¹⁹ Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Наука, 1993. С. 311–518 [17].

²⁰ См.: Булгаков С.Н. Главы о троичности. С. 58.

²¹ См.: Lubac Henri de. The Discovery of God, trans. Alexander Dru. Edinburgh: T&T Clark, 1996. P. 99 [18].

²² См.: Murdoch Iris. The Sovereignty of Good. London and New York: Routledge, 2001. P. 45 [19].

II: Перевод

Как было отмечено выше, книга *The Oxford Handbook* отличается тем, что она включает в себя авторов и темы, которые отсутствуют в предыдущих изданиях обзоров русской (религиозной) философии. Однако в списке участвующих авторов все-таки сильно ощущается отсутствие одного имени, а именно Роберта Бёрда, покойного профессора русской культуры Чикагского университета. Можно сказать, что Р. Бёрд был настоящим *переводчиком* русской религиозной философии, в узком и расширенном смысле. В узком, поскольку его переводы Вяч. Иванова,²³ А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и других²⁴ стоят в одном ряду с самыми важными англоязычными сборниками русской религиозной философии. В расширенном, поскольку он понял, как передать структуру, проблематику и выводы этих философов на языке западной теории литературы и искусства, политической философии. Хорошие примеры такого «умного» перевода имеются в текстах Р. Бёрда о Вяч. Иванове, в которых русский символизм толкуется, например, через призму философии Хайдеггера (и, наоборот, философия Хайдеггера – через русский символизм)²⁵, или теория поэзии Иванова разъясняется и оценивается по сравнению с мышлением не только его современников, но и Г. Гадамера и П. Рикёра²⁶.

Р. Бёрд, отвечая на вопрос, *почему* следует заниматься этими философиями, сказал своим студентам (в числе которых и автор этого текста), занимающимся русской религиозной философией, что им надо постоянно переводить трудную идиому этих мыслителей на язык их собственной культуры. Р. Бёрд определял мышление Булгакова как *перевод* православного предания на язык современности: «...больше, чем заставить православие говорить в терминах современности, Булгаков был озабочен тем, чтобы научить современность говорить на религиозном языке, даже на православном языке, даже если получившийся язык заметно отличался от того, на котором говорило само православие» («*more than making Orthodoxy speak in terms of modernity, Bulgakov was concerned with teaching modernity to speak a religious language, even an Orthodox language, even if the resulting language differed markedly from the one Orthodoxy itself was speaking*») [24, с. 214]. По мнению Бёрда, булгаковский перевод православного предания на язык «модернизма» неизбежно трагичен (потому что относителен). Тем не менее относительность этого опыта перевода вытекает из

---

²³ Ivanov Viacheslav. Selected Essays, trans. Robert Bird. Evanston: Northwestern University Press, 2001 [20].

²⁴ Jakim Boris and Bird Robert, ed. and trans. On Spiritual Unity: A Slavophile Reader. Hudson, NY: Lindisfarne Books, 1998 [21].

²⁵ Martin Heidegger and Russian Symbolist Philosophy // Studies in East European Thought. 1999. Vol. 51, no. 2. P. 85–108 [22].

²⁶ См.: The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov. Madison: University of Wisconsin Press, 2006 [23].

самой структуры жизни в предании: «Опыт Булгакова напоминает нам об одном из его ключевых убеждений, что человеческий субъект ограничен своими историческими влияниями и задачами, но что эта историческая ограниченность есть условие неразрывной преемственности Традиции» («*Bulgakov's experience reminds us of one of his key beliefs, that the human subject is limited by his or her historical influences and tasks, but that this historical limitedness is a condition for the unbroken continuity of Tradition*») [24, с. 228].

С.Н. Булгаков сам многократно описывает задачу богословия через метафору перевода. В своей статье о природе догматики он утверждает, что есть «вольная или невольная неизбежность влияния современной философской мысли, которой не могут избежать догматисты, как бы *перевода* на современный язык того лексикона, который был свойствен древней церкви» [25, с. 23]. Богословие должно быть переводом, потому что образы мышления и выражения подчиняются течению времени. Однако богословие есть *перевод*, а не произвольное производство, потому что его объект остается и даже обеспечивает цельность того самого течения времени. Поэтому, хотя способы богословия постоянно обновляются, цель не изменяется. Словом, богословие есть перевод потому, что оно старается «выражать религиозную мысль о вечности во времени»²⁷.

Но для С.Н. Булгакова существует более глубокий, онтологический перевод, который есть первообраз перевода богословского мышления. Этот «первый» перевод – сотворение мира: «То, что в Боге вечно для творения раскрывается только во времени, и здесь действительно необходим перевод с одного языка на другой» [26, с. 151]. Не только сотворение, но и Воплощение Второй Ипостаси есть перевод вечной жизни Бога на язык сотворенного существования. Точнее, Воплощение есть перевод во времени *вечного именованья* Отца в Сыне, так что имя Иисуса есть имя Троицы. Мир есть откровение Бога, поскольку мир есть перевод этого именованья Бога в Троице, и мы находим это языковое понимание сотворения у Булгакова в его особенном истолковании образа Бога в человеке.

Согласно С.Н. Булгакову, этот образ появляется в *предложении*, сказанном в первом лице (*Я есмь А*)²⁸ и взятом как основная структура человеческой (и поэтому мировой) жизни: «в суждении запечатлен триединый образ субстанции, и имя этому образу – человек. Субстанция есть человек, – сущая ипостась, имеющая в мире свое бытие, – подлежащее, получающее свое сказуемое и скрепленное с ним связкой» [17, с. 415]. Творение предстает у Булгакова как одно вселенское предложение: с одной стороны, все отдельные, сотворенные ипостаси являются многоединым, соборным субъектом, по образу триединого, ипостасного Бога; с другой – сказуемое или природа этого соборного субъекта

²⁷ См.: Булгаков С.Н. Догмат и догматика. // Живое предание: Православие в современности. Париж: ИМКА-Пресс, 1936. С. 21[25].

²⁸ См.: Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Сочинения в двух томах. С. 324.

является *миром*. Как Бог живет в своей природе, так и человечество живет в мире. Вот почему эту жизнь можно считать *переводом* божественной жизни. Такое понимание творения как перевода или повторения Божественного именованья находим также в исследованиях А.Ф. Лосева об имяславии: «Имяславие требует также в области наук вообще таких методов, с помощью которых можно выработать *учение о мире как своего рода законченном имени, подражающем Божию имени*» [27, с. 17].

Таким образом, через размышление о переводе мы подходим, наконец, к вопросу о *предложении*. При этом стоит обратить внимание на значение этого вопроса для современной религиозной мысли.

III: Предложение

Понимание языка и субъекта, которое С.Н. Булгаков развивал в своих трудах о Троице, является весьма актуальным. Эта актуальность заключается в понимании грамматического предложения как структуры субстанции. Такая трактовка существенно отличается от господствующего восприятия *предложения* в аналитической и континентальной философии.

С одной стороны, предложение в аналитической философии является объектом самого отвлеченного философского взгляда.²⁹ В результате между предложением, как оно изложено аналитической философией, и живым языком лежит пропасть. (Надо отметить, что под влиянием английского философа А.Н. Уайтхеда у некоторых мыслителей в этой традиции появляется новый интерес к реалистическому пониманию *предложения*³⁰.) С другой стороны, континентальная философия давно признала важнейшую роль *предложения* в мышлении и самосознании говорящего субъекта. Как отмечал Ф. Ницше, «развитие языка и развитие сознания ... идут рука об руку»³¹. Однако с точки зрения этой философской традиции предложение обманчиво, поскольку грамматическое подлежащее создает иллюзию мира, сложенного из отдельных, скрытых субстанцией и субъектов. «Если происходит мышление, – утверждает Ницше, – то должно быть нечто, “что мыслит”, – это ведь просто формулировка нашей грамматической привычки» [31, с. 333]. Таким образом, Ницше «предоставляет» «противоположность между субъектом и объектом ... теоретикам познания, которые запутались в сетях грамматики (этой народной метафизики)»³². Задача философии – разрушение этой метафизики и, как следствие, разрушение грамматики.

---

²⁹ Об этой отвлеченности см.: Pickstock Catherine. Aspects of Truth: A New Religious Metaphysics. Cambridge: Cambridge University Press, 2021 [28].

³⁰ См.: MacBride Fraser. On the Genealogy of Universals. Oxford: Oxford University Press, 2018 [29].

³¹ См.: Ницше Фридрих. Веселая наука // Ницше Фридрих. Полное собрание сочинений: в 13 т.

Т. 3. М.: Культурная Революция, 2014. С. 542 [30].

³² Там же. С. 543.

С.Н. Булгаков также стремится к разрушению мифа отдельного субъекта. Однако, по мнению Булгакова, этот миф *не* вытекает из искушений грамматики. Напротив, он видит в самой структуре предложения новые возможности для самосознания субъекта. Точнее, с помощью грамматики С.Н. Булгаков создает вместо онтологии монадических субстанций, онтологию отношений. В «тайне грамматики» он обнаруживает невозможность самосознания *я* без отношения к другим субъектам и к миру.³³ Самосознание для С.Н. Булгакова зависит от других субъектов, так что местоимение первого лица не указывает на отдельное, первое *я*, а указывает на соборное единство, *мы*. С.Н. Булгаков и М. Бахтин доказывают, что новый, открытый субъект появляется не помимо обычного языка, а внутри его.

Но С.Н. Булгаков, так же как и А.Ф. Лосев, расширяет границы языка за пределы человеческих субъектов – вещи сами именуется через человека. Но самое важное – они и оправдывают такое участие мира в языке *онтологически*. И этим С.Н. Булгаков и А.Ф. Лосев отличаются от М.М. Бахтина – более известного в англоязычном мире русского исследователя языка. Ирина Денищенко доказала, что, по Бахтину, говорящий субъект может обращаться к миру и его объектам *лично*.³⁴ С этой точки зрения у знания есть два предела – *вещь* и *личность*, и субъекту можно обращаться к чему бы то ни было *вещественно* или *лично*. Первая форма знания стремится к *овладению* объектом, вторая позволяет своему объекту свободное самооткровение. Однако М. Бахтин не отвечает на вопрос, каким образом возможно личное обращение к неодушевленному объекту *онтологически*.

Для С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева различие между одушевленным и неодушевленным (у Лосева)³⁵, или ипостасью и не-ипостасью (у Булгакова,³⁶ – онтологично и поэтому неустранимо. Однако они тем не менее утверждают, что мир *именуется* в нас через свои имена. Онтологическая основа для гармонизации этих двух, видимо, противоположных предложений 1) есть разница между одушевленным и неодушевленным; 2) неодушевленные *именуются* в языке – находится в восприятии субъекта, или *я*, как *отношение*. Точнее, сознание или понимание объекта есть *именование* объекта и субъекта одновре-

³³ Более полное изложение троичной философии *я* Булгакова см.: Heath Joshua. On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy // Modern Theology. 2021. Vol. 37, no. 3. P. 805–823 [32]; Heath Joshua. Sergii Bulgakov's Linguistic Trinity // Modern Theology. 2021. Vol. 37, no. 4. P. 888–912 [33].

³⁴ Denischenko Irina. Beyond Reification: Mikhail Bakhtin's Critique of Violence in Cognition and Representation // The Slavic and East European Journal. 2017. Vol. 61, no. 2. P. 255–277 [34].

³⁵ «Есть существенное, совершенно очевидное, общечеловечески принятое и признанное различие между двумя одинаково реальными сферами бытия – одушевленной и неодушевленной природой» (см.: Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. М.: Олег Абышко, 2008. С. 49 [35]).

³⁶ «Всякое суждение предметного содержания можно рассматривать как сказуемое к *я*, как его самоопределение: хотя самостоятельное подлежащее (“этот стол черен”) и дает ему подобие ипостасности» (см.: Булгаков С.Н. Трагедия Философии. С. 324).

менно, поскольку имя есть «энергия взаимообщения вещи с ее окружающим»³⁷. Это совпадение именованного субъекта и объекта в акте познания объясняется Роуэном Уильямсом: «...то, о чем говорится, находится в распоряжении говорящего, по крайней мере, в той мере, в какой позиция говорящего в мире в момент речи определяется присутствием того, о чем говорится» («*what is being spoken of has the speaker at its disposal, at least to the extent that the speaker's stance in the world is for the moment of speaking defined by the presence of what is spoken of*») [36, с. 110]. Поэтому собственное *имя* как энергия человека есть его интегральное отношение с окружающим. Мы должны считать, что окружающее проговаривает самого себя в нас, потому что наше имя или самоопределение в мире (по-аристотелевски) неотделимо от действия мира на нас через наш (воплощенный) ум. Тем самым С.Н. Булгаков и А.Ф. Лосев подчеркивают неразрывность человеческого мира и мира природы.

В отличие от Ницше, который считает язык и предложение орудием господства, С.Н. Булгаков видит в предложении схему христианского подвига, в котором человек осуществляется в языке, поскольку он осуществляется в *других*, т. е. в *мы*, и в мире, т.е. в сказуемом. Через такое понимание языка можно считать все человеческое знание «духовным упражнением», по выражению французского философа Пьер Адо.³⁸ Понятие «духовного упражнения» известно в России благодаря работам покойного философа С.С. Хоружего. С.С. Хоружий истолковывает феномен исихазма отчасти с помощью Адо и его понятия «духовных упражнений», чтобы отвечать на критику метафизики Хайдеггера и Фуко изнутри православной и русской традиции. Однако С.С. Хоружий отличает настоящее христианское богословие и подвиг, который обеспечивает правоту богословия, от спекулятивной мысли С.Н. Булгакова и других. Для С.С. Хоружего метафизика *всеединства* С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева и других суть поврежденна, особенно в утверждающем ими *единстве* Бога и мира.³⁹ Это единство согласно С.С. Хоружему, ошибочно онтологически, поскольку оно противоречит абсолютной разнице между творцом и творением, провозглашенным догматом творения из ничего и выраженным в различении Божественной Сущности и Божественных Энергий. Это единство – нравственная ошибка, потому что оно, как считает Хоружий, ослабляет значение и необходимость человеческого усилия в судьбах мировой истории:

«Православный подвиг, постигший на опыте *энергийную* природу связи Бога и человека, с IV века предупреждал: лишь трезвым и непрестанным усилием держится эта связь ... Однако софиология утверждала “идеальные первообразы” и “корни в Боге” за всем на свете, независимо ни от какого трезвения и усилия» [39, с. 166].

³⁷ См.: Лосев А. Ф. Вещь и имя. Самое само. С. 61.

³⁸ См.: Nadot Pierre. Exercices spirituels et philosophie antique. Paris: Albin Michel, 2002 [37].

³⁹ См.: Хоружий С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005. С. 296–298 [38].

Такую удовлетворенность невозможно найти в трудах С.Н. Булгакова. Как уже было отмечено, для него прогресс мировой истории неизбежно трагичен. С.Н. Булгаков, стоящий перед ужасами XX века, явно ощущал *обязанность* выражать свое космическое, софиологическое видение единства мира с Богом. Не чтобы избежать ужасов истории, а для того, чтобы возбуждать «трезвение и усилие» церкви в мире. «В христианстве зарождается новое чувство жизни, что не человеку надлежит убегать из мира, но что Христос приходит в мир на брачную вечерю Агнца», – утверждал С.Н. Булгаков [26, с. 20]. Желание С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева «выработать учение о мире как своего рода законченном имени, подражающем Божиему имени», не является (по мнению С.С. Хоружего) симптомом «прекраснодушия, маниловщины, принятия желаемого за действительное»⁴⁰. Напротив, такое учение о единстве мира с Богом, заложенное в теории языка С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева, есть условие христианской надежды, без которой действие церкви в истории невозможно.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Без Плана: Несколько замечаний по поводу статьи Г.И. Чулкова о поэзии Вл. Соловьёва // Булгаков С.Н. Тихие Думы: из статей 1911–1915 гг. М.: Республика, 1996. С. 216–233.
2. Булгаков С.Н. Апокалипсис Иоанна. М.: Директ-Медиа, 2014. 428 с.
3. Булгаков С.Н. Утешитель. М.: Общедоступ. православ. ун-т, основ. протоиер. А. Менем, 2003. 463 с.
4. Martin Jennifer Newsome. Hans Urs von Balthasar and the Critical Appropriation of Russian Religious Thought. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2015. 310 p.
5. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, 2011. 878 с.
6. Лосский Н.О. История русской философии / предисл. и коммент. В.А. Кувакина, М.А. Маслина. М.: Высш. шк., 1991. 559 с.
7. Williams Rowan. Dostoevsky: Language, Faith and Fiction. London: Bloomsbury, 2008. 290 p.
8. Felch Susan M. and Contino Paul J., ed. Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2001. 252 p.
9. Coates Ruth. Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 201 p.
10. Pattison George. A Rhetorics of the Word. Oxford: Oxford University Press, 2019. 275 p.
11. Bakhtin Mikhail. Selections from the Wartime Notebooks, trans. Irina Denischenko and Alexander Spektor // The Slavic and East European Journal. 2017. Vol. 61, no. 2. P. 201–232.
12. Булгаков С.Н. Главы о Троичности // Булгаков С.Н. Труды о Троичности. М.: ОГИ, 2001. С. 54–180.
13. Kostalevsky M. Dostoevsky and Soloviev: The Art of Integral Vision. New Haven and London: Yale University Press, 1997. 224 p.
14. Соловьёв В.С. О действительности внешнего мира и основании метафизического познания // Соловьёв В.С. Собрание сочинений. Т. 1. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1966. С. 216–226.
15. Иванов В. Ты еси // Иванов В. Собрание сочинений. Т. 3. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1979. С. 262–268.
16. Флоренский. П.А. Столп и утверждение истины в двух томах. М.: Правда, 1990. 839 с.

⁴⁰ См.: Хоружий. С.С. Опыты из русской духовной традиции. М.: Парад, 2005. С. 166 [39].

17. Булгаков С.Н. Трагедия философии // Булгаков С.Н. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1996. С. 311–518.
18. Lubac Henri de. *The Discovery of God* / trans. Alexander Dru. Edinburgh: T&T Clark, 1996. 220 p.
19. Murdoch Iris. *The Sovereignty of Good*. London and New York: Routledge, 2001. 105 p.
20. Ivanov Viacheslav. *Selected Essays* / trans. Robert Bird. Evanston: Northwestern University Press, 2001. 328 p.
21. Jakim Boris and Bird Robert. *On Spiritual Unity: A Slavophile Reader*. Hudson, NY: Lindisfarne Books, 1998. 352 p.
22. Bird Robert. *Martin Heidegger and Russian Symbolist Philosophy* // *Studies in East European Thought*. 1999. Vol. 51, no. 2. P. 85–108.
23. Bird Robert. *The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov*. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. 310 p.
24. Bird Robert. 'The Tragedy of Russian Religious Philosophy: Sergei Bulgakov and the Future of Orthodox Theology' // *Orthodox Theology and Contemporary Europe* / ed. Jonathan Sutton and Wil van den Bercken. Leuven: Peeters, 2003. P. 211–228.
25. Булгаков С.Н. Догмат и догматика // *Живое предание: Православие в современности*. Париж: ИМКА-Пресс, 1936. С. 9–24.
26. Булгаков С.Н. Агнец Божии. М.: Общедоступ. православл. ун-т, основ. протоиер. Александром Менем, 2000. 463 с.
27. Лосев А.Ф. *Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопита*. СПб.: Олег Абышко, 2009. 218 с.
28. Pickstock Catherine. *Aspects of Truth: A New Religious Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 323 p.
29. MacBride Fraser. *On the Genealogy of Universals*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 263 p.
30. Ницше Фридрих. *Веселая наука* // Ницше Фридрих. *Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 3*. М.: Культурная Революция, 2014. С. 313–636.
31. Ницше Фридрих. *Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей*. М.: Культурная Революция, 2016. 824 с.
32. Heath Joshua. *On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy* // *Modern Theology*. 2021. Vol. 37, no. 3. P. 805–823.
33. Heath Joshua. *Sergii Bulgakov's Linguistic Trinity* // *Modern Theology*. 2021. Vol. 37, no. 4. P. 888–912.
34. Denischenko Irina. *Beyond Reification: Mikhail Bakhtin's Critique of Violence in Cognition and Representation* // *The Slavic and East European Journal*. 2017. Vol. 61, no. 2. P. 255–277.
35. Лосев А.Ф. *Вещь и имя. Самое само*. М.: Олег Абышко, 2008. 576 с.
36. Williams Rowan. *The Edge of Words*. London: Bloomsbury, 2012. 204 p.
37. Hadot Pierre. *Exercices spirituels et philosophie antique*. Paris: Albin Michel, 2002. 404 p.
38. Хоружий С.С. *Опыты из русской духовной традиции*. М.: Парад, 2005. 445 с.
39. Хоружий С.С. *О старом и новом*. СПб.: Алетейя, 2000. 475 p.

References

(Sources)

Collected works

1. Ivanov, Viacheslav. *Selected Essays*, trans. Robert Bird. Evanston: Northwestern University Press, 2001. 328 p.
2. Jakim, Boris, Bird, Robert, ed. and trans. *On Spiritual Unity: A Slavophile Reader*. Hudson, NY: Lindisfarne Books, 1998. 352 p.

3. Losev, A.F. *Izbrannye trudy po imyaslaviyu i korpusu sochineniy Dionisiya Areopagita* [Selected Works on Imiaslavie and the Corpus of Works of Dionysius the Areopagite]. Saint-Petersburg: Oleg Abyshko, 2009. 218 p.

Individual Works

4. Bulgakov, S.N. *Agnets Bozhii* [Lamb of God]. Moscow: Obshchedostupnyy pravoslavnyy universitet, osnovannyi protoiereem Aleksandrom Menem, 2000. 463 p.

5. Bulgakov, S.N. *Apokalipsis Ioanna* [The Apocalypse of John]. Moscow: Direkt-Media, 2014. 428 p.

6. Bulgakov, S.N. Bez Plana: Neskol'ko zamechaniy po povodu stat'i G.I. Chulkova o poezii Vl. Solov'eva [Ad-Hoc: Some Thoughts Following G.I. Chulkova's Article on the Poetry of Vladimir Solovyov], in Bulgakov, S.N. *Tikhie Dumy* [Gentle Thoughts]. Moscow: Respublika, 1996, pp. 216–233.

7. Bulgakov, S.N. Dogmat i dogmatika [Dogma and Dogmatics], in *Zhivoe Predanie: Pravoslaviye v sovremennosti* [Living Tradition: Orthodoxy and the Contemporary]. Paris: IMKA –Press, 1936, pp. 9–24.

8. Bulgakov, S.N. Glavy o Troichnosti [Chapters on Trinitarity], in Bulgakov, S.N. *Trudy o Troichnosti* [Works on Trinitarity]. Moscow: OGI, 2001, pp. 54–180.

9. Bulgakov, S.N. Tragediya Filosofii [The Tragedy of Philosophy], in Bulgakov, S.N. *Sobranie sochineniy v 2 t., t. 1* [Collected Works in 2 vol., vol. 1]. Moscow: Nauka, 1996, pp. 311–518.

10. Bulgakov, S.N. *Utshitel'* [The Comforter]. Moscow: Obshchedostupnyy pravoslavnyy universitet, osnovannyi protoiereem Aleksandrom Menem, 2003. 463 p.

11. Florenskiy, P. *Stolp i utverzhdenie istiny v 2 t.* [The Pillar and Ground of the Truth in 2 vol.]. Moscow: Pravda, 1990. 839 p.

12. Ivanov, V. Ty esi [You Are], in Ivanov, V. *Sobranie sochineniy. T. 3* [Collected Works. Vol. 3]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971, pp. 262–268.

13. Khoruzhie, S.S. *Opyty iz russkoy dukhovnoy traditsii* [Experiments from the Russian Spiritual Tradition]. Moscow: Parad, 2005. 445 p.

14. Khoruzhii, S.S. *O starom i novom* [On the Old and the New]. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2000. 475 p.

15. Losev, A.F. *Veshch' i imya. Samoe samo* [Thing and Name. The Very Thing]. Moscow: Oleg Abyshko, 2008. 576 p.

16. Losskiy, N.O. *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola, 1991. 559 p.

17. Nietzsche, Friedrich. Veselaya Nauka [The Gay Science], in *Polnoe sobranie sochineniy v 13 t., t. 3* [Complete Collected Works in 13 vol., vol. 3]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, 2014, pp. 313–636.

18. Nietzsche, Friedrich. *Volya k vlasti* [The Will to Power]. Moscow: Kul'turnaya Revolyutsiya, 2016. 824 p.

19. Solov'ev, V.S. O deystvitel'nosti vneshnego mira i osnovanii metafizicheskogo poznaniya [On the Actuality of the External World and the Basis of Metaphysical Knowledge], in Solov'ev, V.S. *Sobranie sochineniy. T. 1* [Collected Works. Vol. 1]. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1996, pp. 216–226.

20. Zen'kovskiy, V.V. *Istoriya russkoy filosofii* [A History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2011. 878 p.

(Articles from Research Journals)

21. Bakhtin, Mikhail. Selections from the Wartime Notebooks, trans. Irina Denischenko and Alexander Spector. *The Slavic and East European Journal*, 2017, vol. 61, no. 2, pp. 201–232.

22. Bird, Robert. Martin Heidegger and Russian Symbolist Philosophy. *Studies in East European Thought*, 1999, vol. 51, no. 2, pp. 85–108.
23. Denischenko, Irina. Beyond Reification: Mikhail Bakhtin's Critique of Violence in Cognition and Representation. *The Slavic and East European Journal*, 2017, vol. 61, no. 2, pp. 255–277.
24. Heath, Joshua. On Sergii Bulgakov's The Tragedy of Philosophy. *Modern Theology*, 2021, vol. 37, no. 3, pp. 805–823.
25. Heath, Joshua. Sergii Bulgakov's Linguistic Trinity. *Modern Theology*, 2021, vol. 37, no. 4, pp. 888–912.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

26. Bird, Robert. The Tragedy of Russian Religious Philosophy: Sergei Bulgakov and the Future of Orthodox Theology. *Orthodox Theology and Contemporary Europe*. Leuven: Peeters, 2003, pp. 211–228.
27. Felch, Susan M., Contino, Paul J., ed. *Bakhtin and Religion: A Feeling for Faith*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2001. 252 p.

(Monographs)

28. Bird, Robert. *The Russian Prospero: The Creative Universe of Viacheslav Ivanov*. Madison: University of Wisconsin Press, 2006. 310 p.
29. Coates, Ruth. *Christianity in Bakhtin: God and the Exiled Author*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 201 p.
30. Kostalevsky, M. *Dostoevsky and Soloviev: The Art of Integral Vision*. New Haven and London: Yale University Press, 1997. 224 p.
31. Hadot, Pierre. *Exercices spirituels et philosophie antique*. Paris: Albin Michel, 2002. 404 p.
32. Lubac, Henri de. *The Discovery of God*, trans. Alexander Dru. Edinburgh: T&T Clark, 1996. 220 p.
33. MacBride, Fraser. *On the Genealogy of Universals*. Oxford: Oxford University Press, 2018. 263 p.
34. Martin, Jennifer Newsome. *Hans Urs von Balthasar and the Critical Appropriation of Russian Religious Thought*. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2015. 310 p.
35. Murdoch, Iris. *The Sovereignty of Good*. London and New York: Routledge, 2001. 105 p.
36. Pattison, George. *A Rhetoric of the Word*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 275 p.
37. Pickstock, Catherine. *Aspects of Truth: A New Religious Metaphysics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 323 p.
38. Williams, Rowan. *Dostoevsky: Language, Faith and Fiction*. London: Bloomsbury, 2008. 290 p.
39. Williams, Rowan. *The Edge of Words*. London: Bloomsbury, 2012. 204 p.